

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны.

(Изъ воспоминаній).

(Продолженіе ¹).

Предстояло представиться начальнику генеральнаго штаба генералу Мольтке.

Я и къ нему отправился съ графомъ В. П. Голенищевымъ-Кутузовымъ, рассказывалъ Мих. Ив. — Кромѣ того, что Вас. Павл., для соблюденія этикета, надо было самому, послѣ долгаго отсутствія, повидать главу военнаго міра, — онъ прямо подогналъ свое посѣщеніе ко дню моего визита; сдѣлалъ онъ это изъ любезности ко мнѣ, что явилось для меня какъ нельзя болѣе кстати во всѣхъ отношеніяхъ.

* * *

Помѣщеніе, которое занималъ во время служебныхъ занятій генераль Мольтке, находилось въ верхнемъ этажѣ большого казеннаго зданія и состояло изъ двухъ очень обширныхъ залъ одинаковой величины — пріемной и собственнаго его кабинета.

Въ пріемной, кромѣ трехъ дюжинъ простыхъ старинныхъ съ мягкимъ сидѣньемъ стульевъ не было ничего. Адъютантъ, — обычнаго типа очень подтянутый и кордонный молодой офицеръ, поздоровавшись съ Кутузовымъ, познакомился со мной и отправился доложить генералу о нашемъ приходѣ.

Минуты три мы посидѣли; адъютантъ не возвращался.

„Что онъ такъ долго, забурчалъ Кутузовъ; это совсѣмъ не похоже на старика; всегда онъ такъ скоро, безъ задержки, принимаетъ.

¹) См. „Русская Старина“ май 1910 г.

На замѣчаніе Мих. Ив—ча о томъ, что нельзя сразу оторваться отъ важнаго дѣла, графъ поторопился рассказать, что особо важныхъ дѣлъ у Мольтке не бываетъ; все, чѣмъ онъ когда-либо занятъ, въ одинаковой степени важно; оторваться же отъ какихъ бы то ни было занятій, во всякую минуту,—ему совершенно ни по чемъ; этою рѣдкою способностью онъ славится: на чемъ бы его ни перебили, онъ спокойно оторвется, а потомъ такъ же спокойно продолжаетъ прерванное; было это за нимъ замѣчено въ его молодости, съ приближеніемъ старости развивалось, а теперь замѣчается еще рѣзче.

Способность, по-истинѣ рѣдкая и завидная, говорилъ Мих. Ив.; Наполеонъ, со своей запальчивой нетерпѣливостью, этимъ даромъ не обладалъ;—отвлеченный на полудѣлъ, онъ терялъ нить и потомъ долженъ былъ опять искать ее съ самаго начала.

— На-дняхъ я вскользь упомянулъ вамъ, продолжалъ рассказывать Голенищевъ-Кутузовъ, что Бисмаркъ навѣрное никому ничего изъ задуманнаго имъ въ отношеніи Австріи не повѣдалъ; казалось, нельзя было не подѣлиться этимъ съ Мольтке;—возможно ли о такомъ дѣлѣ, о такихъ планахъ не сообщить тому, у кого въ рукахъ находятся всѣ пружины механизма вооруженія арміи, кому всецѣло переданы вооруженныя силы страны! Но врядъ ли Бисмаркъ въ этомъ дѣлѣ посмотрѣлъ на Мольтке, какъ на исключеніе: зная близко всѣ обстоятельства, онъ также твердо зналъ, что готовность силъ, находящихся въ рукахъ этого геніальнаго хозяина арміи, во всякое время обезпечена и, будетъ ли Мольтке знать о предстоящей войнѣ за три недѣли или за три мѣсяца,—для успѣшности вооруженія это не представляетъ никакой разницы. „Суровый кудесникъ всегда одинаково готовится и потому во всякое время вполне готовъ“...

При этой фразѣ дверь изъ кабинета отворилась и къ намъ спокойно вышелъ „кудесникъ“.

Оказалось, какъ послѣ мы узнали, въ самую минуту доклада адъютанта о насъ, у генерала обильно хлынула кровь изъ носа; лишь эта случайность явилась причиной того, что мы были приняты не сразу.

Поздоровавшись съ нами совершенно просто, Мольтке провелъ насъ въ кабинетъ; все убранство его составляли шесть такихъ же стульевъ и четыре громадной величины письменныхъ стола, заваленныхъ книгами, бумагами и раскрытыми картами; въ обѣихъ комнатахъ по угламъ была составлена масса свернутыхъ картъ.

Болѣе получаса бесѣдовалъ съ нами угрюмый старикъ, пронизывая насъ своимъ свѣтлымъ взоромъ.

Поражала необыкновенная свѣжесть вида старика и моложа-

вость: ему шелъ 67-й годъ, но нельзя было подумать, чтобы года его перевалили даже за пятый десятокъ ¹⁾).

Если на Мих. Ив. Драгомирова графъ Бисмаркъ, при первомъ знакомствѣ, произвелъ большое впечатлѣніе, то, по собственному его признанію, послѣ перваго своего визита къ Мольтке онъ остался рѣшительно подъ обаяніемъ этого „военнаго мудреца“.

* * *

За все время бесѣды, старикъ ни однимъ словомъ не упомянулъ о необыкновенныхъ заботахъ и трудахъ, которыми несомнѣнно былъ обремененъ тогда по случаю предстоявшаго новаго испытанія его генія; войны какъ будто не ожидалось.

Поговоривъ коротко съ В. М. Кутузовымъ объ его побѣдѣ, „мудрецъ-кудесникъ“ перешелъ на разговоръ объ условіяхъ военной жизни, о войскахъ вообще и объ русской арміи въ особенности; онъ хвалилъ стойкость и закаленность нашихъ войскъ, хорошій, ровный составъ ихъ и добрыя отношенія между офицерами и солдатами; по поводу стойкости и выносливости онъ прямо говорилъ, что ни одна армія въ мірѣ не имѣетъ возможности похвалиться чѣмъ-либо похожимъ на то, что составляетъ въ этомъ отношеніи выработанную, безспорную и крайне завидную принадлежность арміи русскаго Царя.

Затѣмъ, коснувшись въ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразахъ постороннихъ предметовъ, онъ предложилъ гостямъ получить и тутъ же вручилъ имъ по два экземпляра детальныхъ крупнаго масштаба картъ Австрійской имперіи.—Пока они тутъ же завертывали этотъ благопріобрѣтенный, очень цѣнный багажъ, Мольтке, серьезно и убѣжденно, видимо съ полнымъ отсутствіемъ желанія угощать пустыми комплиментами, сказалъ: „у васъ въ Россіи съ особой тщательностью издаются военные карты и планы; заботы русскаго военнаго министра генерала Милютина объ этомъ предметѣ увѣнчали дѣло большимъ успѣхомъ; его можно поздравить; изготовленіе картъ, этого драгоцѣннаго предмета, помогающаго движеніямъ арміи— вещь далеко не простая и не легкая; это не то что нарисовать портретъ мусульманской женщины, слегка улыбнулся Мольтке,—единственный разъ за все время своего съ ними разговора. „Я вообще съ особымъ удовольствіемъ читаю карты, издаваемые вашимъ топографическимъ депо и картографическимъ заведеніемъ. На картографію должно быть всегда обращено самое серьезное вниманіе: это одно изъ самыхъ важныхъ подспорій для войскъ;

¹⁾ Гелльмутъ Мольтке родился въ самомъ началѣ 1800 г.

безъ нихъ передвиженіе немислимо; карта представляетъ собою во время военныхъ дѣйствій проводника войскъ и часто, по мѣстнымъ условіямъ, единственнаго; кто такимъ образомъ запасается лучшимъ и наиболѣе вѣрнымъ „колонновожатымъ“, тотъ, тѣмъ самымъ,—при умѣломъ съ нимъ обращеніи,—въ большой мѣрѣ обезпечиваетъ себѣ громадную долю успѣха въ борьбѣ съ врагомъ“, сказалъ Мольтке, прощаясь и выйдя изъ кабинета для того, чтобы проводить гостей черезъ всю ширь громадной пріемной.

Никогда я не представлялъ себѣ, чтобы этотъ старикъ могъ столько наговорить; ко всему тому, чѣмъ онъ славится, надо прибавить и поставить на первомъ планѣ его необычайную, какую-то сверхъестественную, молчаливость, торопливо рассказывалъ гр. Голенищевъ-Кутузовъ Мих. Ив—чу, въ то время когда они, вполне довольные своимъ визитомъ, спускались съ лѣстницы; вѣдь про него говорятъ, что онъ постоянно, неизмѣнно и прекрасно „молчитъ на семи языкахъ“; вѣроятно, при всемъ своемъ чудовищномъ спокойствіи, старикъ эти дни волнуется... Географическія же карты, продолжалъ гр. Кутузовъ, составляютъ самую большую слабость старика; съ большимъ рвеніемъ онъ, состоя еще въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, занимался съемками во время своего долговременнаго пребыванія въ Турціи при султанѣ Махмудѣ въ тридцатыхъ годахъ; тогда имъ лично была превосходно снята чуть ли не вся территорія владѣній падишаха. А какъ только ему въ Пруссіи пришлось твердой ногой стать близко къ высшему военному управленію, онъ тотчасъ же сталъ усиленно развивать и широко развить эту важную отрасль — военно-временнаго снабженія войсковыхъ частей и штабовъ необходимыми картами и планами предстоявшей и даже только вѣроятной для военныхъ дѣйствій мѣстности.

По поводу своего визита къ Мольтке Мих. Ив. рассказывалъ, что какъ военнаго ученаго, а также какъ стратега онъ его хорошо зналъ и изъ его сочиненій и изъ множества статей о немъ; но какъ съ человѣкомъ былъ очень мало съ нимъ знакомъ, и въ это первое свиданіе съ нимъ крайне имъ заинтересовался; мало случалось вообще встрѣчать такихъ даровитыхъ людей, говорилъ Мих. Ив. Бросалось въ глаза, что Бисмаркъ во всемъ беретъ волей, энергіей, Мольтке же рѣшительно на все налагаетъ печать своего ума,—яснаго, обширнаго и разносторонняго; этимъ, изъ ряду выходящимъ, умомъ онъ все порабощаетъ.

Черезъ нѣсколько дней гр. Голенищевъ-Кутузовъ привезъ Мих. Ив—чу мелкія записки, которыя Мольтке, будучи капитаномъ генеральнаго штаба, велъ въ видѣ писемъ во время своего пребы-

ванія въ Турціи; прежде они Мих. Ив—чу попадались на глаза, но до той поры ему не довелось прочесть ихъ ¹⁾).

* * *

Среди приготовленій къ выступленію въ походъ, тамъ же въ Берлинѣ, Мих. Ив. съ большимъ интересомъ, между дѣломъ, прочелъ „Письма Мольтке о событіяхъ въ Турціи за періодъ времени 1835—39 г.г.“, въ нихъ описанъ его египетскій походъ, а также его участіе въ турецкомъ походѣ въ Сербію. Кромѣ того онъ прочелъ и письма Мольтке изъ Россіи.

„На прочтеніе этихъ записокъ я не могъ тогда“, говорилъ Мих. Ив., „смотреть иначе, какъ на дѣло болѣе или менѣе серьезное; время, употребленное на знакомство съ ними, было далеко непо-
теряннымъ: записки тѣ являлись какъ бы автобіографіей человѣка очень крупныхъ дарованій, онѣ дали мнѣ случай близко познать его; такимъ образомъ довелось ближе изучить характеръ и нравъ не только большого человѣка вообще, но и главнѣйшаго дѣя-
теля, съ которымъ предстояло непосредственно сноситься въ такой важный для него и для Европы историческій моментъ. Я остался навсегда очень благодарнымъ графу Голенищеву-Кутузову

¹⁾ Известно, что Мольтке въ ранней молодости проявилъ большую страсть къ путешествіямъ; въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, разъѣжая по востоку и знакомясь въ подробностяхъ съ мусульманскими странами, онъ однажды въ Константинополѣ былъ поставленъ въ крайнюю необходимость представиться самымъ высшимъ турецкимъ властямъ. Султанъ очень заинтересовался имъ, полюбилъ его и оцѣнилъ его способности — большая честь Махмуду, говорилъ Мих. Ив. по поводу этого. Затѣмъ обстоятельства сложились такъ, что Мольтке взялъ очень продолжительный отпускъ именно въ Турцію и, съ разрѣшенія короля, занялся, кромѣ изученія страны, еще и переформированіемъ (вѣрнѣе сформированіемъ) оттоманскихъ войскъ. Всегда, а въ особенности въ тѣ времена, прусское правительство поощряло такія поѣздки своихъ офицеровъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, говаривалъ Мих. Ив., въ томъ, что всѣ богатые дарованія, коими былъ одаренъ Мольтке отъ природы, развились въ немъ наиболѣе счастливо подъ вліяніемъ этой его самостоятельной дѣятельности, происходившей при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ и наиболѣе подходящихъ къ тому обстоятельствахъ. Въ 1834 году Мольтке уѣхалъ изъ Пруссіи; съ 1835 по 1839, до смерти султана Махмуда, онъ, при его поддержкѣ и подъ его покровительствомъ, проработалъ и, если своей работой принесъ какую-нибудь пользу османлисамъ, то, во всякомъ случаѣ, большую себѣ и громадную самой Пруссіи, такъ какъ всѣ свои способности, развитыя еще болѣе этой сложной и поучительной работой, а также нажитыя ею знанія, онъ всецѣло положилъ на алтарь своего отечества, — въ этомъ дѣлѣ оно получило отъ него сторицею.

за то, что онъ такъ кстати доставилъ мнѣ къ этому возможность,— именно въ то время“.

„Не разъ тогда приходило мнѣ въ голову“, говорилъ Мих. Ив., „что любезный графъ сдѣлалъ это именно потому, что замѣтилъ всю глубину впечатлѣнія, произведеннаго на меня великимъ умомъ. Кромѣ того, удивленный небывалою разговорчивостью старика, гр. Голенищевъ-Кутузовъ былъ совершенно пораженъ его шуткой—такая это была рѣдкость въ особенности въ тѣ его годы! Перечитывая записки Мольтке, Мих. Ив. нашелъ въ нихъ съ отмѣткой Кутузова то мѣсто, которымъ выясняется смыслъ шутки, вызвавшей во время ихъ бесѣды единственную улыбку на суровомъ лицѣ старика: дѣло крылось въ стародавнихъ воспоминаніяхъ его.

На страницахъ „Писемъ о событіяхъ въ Турціи“ Мольтке, тогда еще сравнительно молодой человѣкъ, описывая производившіяся имъ съемки въ Константинополѣ въ декабрѣ 1836 года во время свирѣпствовавшей тамъ чумы, видимо пришелъ въ веселое настроеніе и, между прочимъ, въ игривомъ тонѣ разсказалъ объ отношеніи турецкаго населенія къ этимъ съемкамъ.

„Ни въ какой другой столицѣ“, говорятъ онъ въ своихъ запискахъ, „я не могъ бы работать такъ безпрепятственно, какъ здѣсь. Турки спокойно проходили мимо и при этомъ какъ будто бы говорили: мы въ этомъ ничего не понимаемъ. Нерѣдко меня съ моимъ землемѣрнымъ столикомъ принимали за „маалибиджи“, т. е. за разносчика сладостей съ его бѣлымъ подносомъ, вслѣдствіе чего уличные ребятишки заискивали моего расположенія. Болѣе всего любопытными въ Турціи оказываются женщины. Имъ во что бы то ни стало хотѣлось знать, что именно я рисую на бумагѣ, зачѣмъ это нужно падишаху, говорю ли я по-турецки или по крайней мѣрѣ по-гречески и т. д. Такъ какъ мои тѣлохранители отрицали это, то онѣ смотрѣли на меня, какъ на полудикаго, съ которымъ можно объясняться только знаками. Необыкновенное удовольствіе имъ доставляетъ, когда ихъ срисовываютъ, вѣроятно потому, что это воспрещено. Ничего не можетъ быть легче, какъ рисовать ихъ: большое бѣлое покрывало, изъ котораго выглядываютъ два глаза, кончикъ носа и широкія, сходящіяся брови. Представленіе подобной литографіи любой изъ этихъ любопытныхъ дамъ, какъ ея портретъ, было ей очень пріятно, она конечно находила его схожимъ“ ¹⁾.

¹⁾ См. „Письма о событіяхъ и приключеніяхъ въ Турціи отъ 1835 до 1839 г.г.“ Гелльмута Мольтке, капитана генеральнаго штаба, нынѣ генеральфельдмаршала. Сибургъ 1877 года (Типографія Тренке и Фюсно, Максимилиановскій переулокъ № 15).

Вотъ какой эпизодъ, очевидно, вспомнилъ изъ своей молодости Мольтке, подшутивъ въ разговорѣ о географическихъ картахъ. Трудно вообразить, что это когда-то продѣлывалъ солидный капитанъ генеральнаго штаба Мольтке, а еще труднѣе себѣ представить, что это вспоминалъ и этимъ шутилъ въ серьезнѣйшія минуты своей жизни суровый, стоявшій во главѣ прусской арміи, стратегъ, не имѣвшій, казалось, рѣшительно ничего общаго съ чѣмъ-нибудь похожимъ на желаніе и умѣнье шутить вообще...

„Мелкіе факты“, говаривалъ Мих. Ив. „нерѣдко глубже всего опредѣляютъ существо натуры и характеръ геніальнаго человѣка, котораго они касаются“.

* * *

Съ большими подробностями рассказывалъ М. И. впоследствии объ этихъ временахъ, а также о томъ, чего пришлось ему тогда,— въ 1866-мъ году,—наслушаться о Россіи, объ ея движеніи впередъ и предсказывавшейся тогда во всѣхъ отношеніяхъ ея будущности; съ тяжелымъ чувствомъ грусти онъ добавлялъ, что совершенно заслуженной безпристрастной похвалы, слышанной тогда изъ устъ великаго Мольтке, мы уже давно перестали быть достойными. Во всѣхъ мелочахъ мы умудряемся падать; такъ, между прочимъ, не говоря о томъ, что самое искусство производства географическихъ картъ у насъ упало,—не стараемся мы и вообще создавать раіоновъ картъ крайне для насъ необходимыхъ, не стремимся поддержать блеснувшую въ нашей репутаціи, хотя бы въ этомъ дѣлѣ, свѣтлую линію.

М. И. Драгомировъ хорошо помнилъ то время, когда генеральнаго штаба подполковникъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ завѣдывалъ съемками въ военной академіи и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; осматривая и провѣряя топографическія работы въ Петергофскомъ кадетскомъ лагерѣ, онъ занимался этимъ необыкновенно ретиво и очень умѣло пріохочивалъ юныхъ учениковъ своихъ къ дѣлу¹⁾. Въ совершенствѣ понимая и цѣня важное значеніе точныхъ географическихъ картъ для военнаго времени, Дм. Алекс. всегда неустанно прилагалъ свои старанія къ тому, чтобы постановку картографическаго дѣла у насъ поднять во всѣхъ отношеніяхъ на наибольшую высоту; слѣды его трудовъ по этой части были видны за

¹⁾ Это было въ 1845 и 46 г.г., когда Драгомировъ состоялъ въ числѣ питомцевъ Дворянскаго полка. Тогда въ Петергофъ собирались на лѣтнее время въ лагерь: 1-й, 2-й и Павловскій кадетскіе корпуса, Дворянскій полкъ, Пажескій корпусъ, школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Никол. кавал. училище), Николаевское инженерное училище и Михайловское артиллерійское училище.

время бытности его на разныхъ ступеняхъ службы; въ особенности же онъ преуспѣвалъ въ этомъ, будучи всеильнымъ начальникомъ штаба Кавказской арміи при главнокомандующемъ князѣ Александрѣ Ивановичѣ Барятинскомъ,—героѣ покоренія Кавказа и плѣненія Шамиля съ его легіонами фанатиковъ мюридовъ, а затѣмъ еще больше въ должности военнаго министра; вѣрная и безпристрастная оцѣнка этихъ трудовъ со стороны такого авторитета, какимъ навсегда останется Мольтке, являлась для него несомнѣнно весьма лестною.

Генераль-адъютантъ П. С. Ванновскій, въ бытность военнымъ министромъ, по словамъ Мих. Ив-ча, также прилагалъ немало заботъ о томъ, чтобы это дѣло, по крайней мѣрѣ, не могло заглухнуть, и мы долго еще, послѣ ухода графа Милютина съ поста военнаго министра, могли считать себя въ этомъ отношеніи богатыми.

Трудно сказать, когда именно начали мы свое паденіе по части дѣла изданія картъ, но мы дошли до него, и можно себѣ представить, какъ къ этому отнеслись и какъ разсуждали съ теченіемъ времени о насъ, отдававшіе намъ справедливость, такіе цѣнители нашего искусства, каковы фельдмаршалъ графъ Мольтке и его сподвижники,—когда видѣли, что мы не сумѣли долго удержаться на должной высотѣ въ этомъ первостепенной важности дѣлѣ, а параллельно и въ другихъ. Въ печальнѣйшемъ своемъ положеніи опустились мы на столько, что отважились начать и вести одну изъ серьезнѣйшихъ войнъ, не имѣя картъ той невѣдомой страны, въ которой пришлось намъ проливать въ изобиліи дорогую кровь сыновъ Руси-Матушки. Съ какимъ-то непонятнымъ и, можно сказать, дерзкимъ равнодушіемъ мы рѣшились вступить въ предѣлы Манчжуріи, безъ наличности того самаго „колонновожатаго“, о крайней необходимости котораго дружески, но серьезно, предостерегалъ „чужой страны геніальный фельдмаршалъ“, въ свое время, быть можетъ, въ душѣ завидовавшій постановкѣ у насъ дѣла изготовленія этихъ нѣмыхъ, но много говорящихъ, безконечно необходимыхъ „проводниковъ“.

Такъ, со слезами на глазахъ, высказывался въ послѣдніе годы своей жизни М. И. Драгомировъ, уже почти на смертномъ одрѣ слѣдя за ходомъ злосчастнѣйшей для насъ войны,—Японской...

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

